

Ю.Е. Березкин

Россия, Санкт-Петербург

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Сибирский фольклор и его соседи

Работа ведется в рамках гранта РФФИ № 18-18-00361. Ее цель – определить внешние связи сибирских фольклорно-мифологических традиций путем анализа массового материала (десятки тысяч текстов). «Мотив» есть эпизод или образ, выделенный в двух (в норме – во многих) традициях. Традиция есть совокупность текстов, зафиксированных в пределах определенной этно-языковой общности или территории.

Мотивы распределены по группам, демонстрирующим разные тенденции ареального распределения. В нашем случае выделены четыре группы. Это образы и эпизоды, отражающие представления о мире (группа А); приключенческие эпизоды, в основном содержащиеся в волшебной сказке (Б1); трикстерские эпизоды с зооморфными актерами (сказка о животных; Б2); приключенческие и трикстерские эпизоды бытового характера с антропоморфными актерами (бытовая сказка и анекдоты; Б3).

Для обработки данных использован факторный анализ. Он подходит для материала, в котором общности формируются не только филогенетически (от предка к потомкам с последовательным делением ветвей), но и путем обмена элементами между неродственными совокупностями. Параллели между традициями образуют сложную сеть разнонаправленных связей. Факторный анализ позволяет выделить основные тенденции – главные компоненты (ГК). Значимы несколько первых, остальное – информационный шум. Традиции сильно различаются числом зафиксированных мотивов. Программа воспринимает плохо изученные традиции как объективно отличные от богатых и противопоставляет одни другим. Подобная оппозиция интереса не представляет. Чаще всего для любой выбранной комбинации традиций и мотивов программа фиксирует три сильных тенденции: одну практически бесполезную (1ГК) и две значимые (2ГК и 3 ГК).

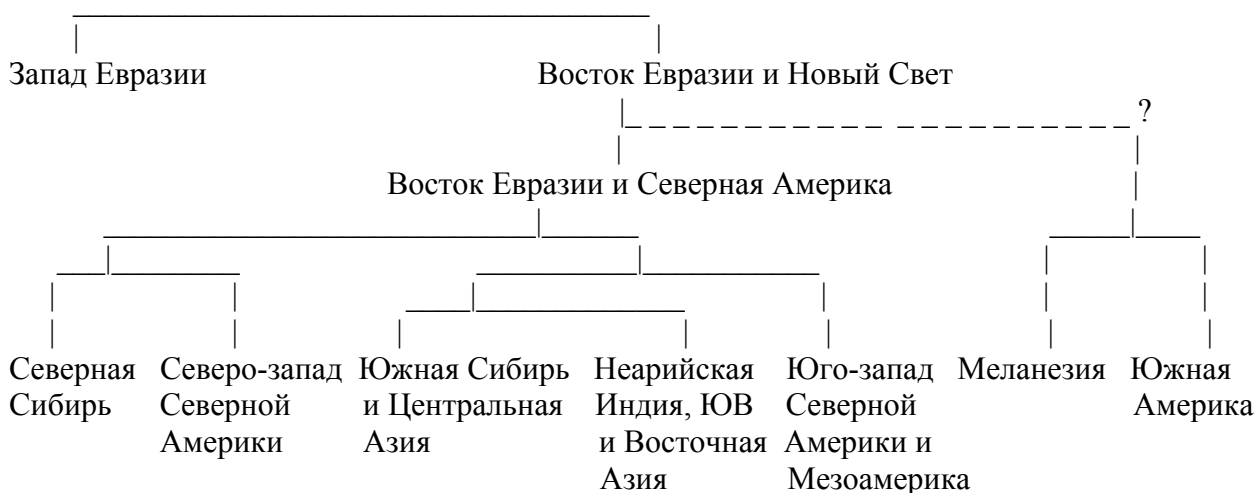
Территориальные совокупности мотивов есть проекции на современность всего того, что распространялось от палеолита до недавнего времени. Необходимо стратифицировать этот массив. Для каждой выборки программа очерчивает две группы традиций, которые составом мотивом различаются больше всего, и наделяет их цифровым индексом со знаком «+» либо «-». Чем ярче отражена тенденция, тем абсолютная величина индекса выше. Об ареальных тенденциях распределения мотивов надо судить по наиболее богатым традициям. Каждая группа традиций с индексами одного знака соответствует общности, интенсивность обмена информацией внутри которой была выше, чем интенсивность такого обмена с другими общностями. О каких именно общностях и эпохах должна идти речь, по материалам самих фольклора и мифологии судить невозможно. Для этого полученные результаты надо сравнивать с данными письменной истории, археологии, генетики и лингвистики.

Анализ распределения разных тематических групп мотивов в разных группах традиций по данным 2 и 3 ГК приводит к следующим выводам.

Если обратиться к мотивам группы А (представления о мире, «мифы») и рассматривать не только восток Евразии, но и более западные регионы, то заметны три области наибольшего обилия и разнообразия космологических и этиологических мотивов, максимально отличные друг от друга. Первый центр – европейско-кавказский. При включении в выборку данных по Западной Европе, Балканам и Северной Африке наивысшие индексы у болгар, французов, немцев, поляков, западных украинцев, а при исключении – у кавказских и восточнославянских групп. По контрасту с Европой и Кавказом весь восток ойкумены выглядит как единая зона, но самые высокие индексы здесь у традиций Сибири (особенно Западной), а не Восточной или Южной Азии. Следующая по значимости тенденция – деление восточной зоны на Сибирь (кроме Южной) и остальную часть Азии. Южный комплекс может быть назван индо-тихоокеанским с максимальными индексами у традиций, локализованных от Средней Индии до южных и северо-центральных районов

Китая (апатани и соседние группы Аруначал-Прадеша, чин-нага, сора, конды, мяо, древнекитайская письменная традиция). Центральная Азия и Южная Сибирь связаны с этим центром (индекс для халха-монголов лишь немного ниже, чем для Древнего Китая).

Влияние северосибирского комплекса мотивов прослеживается на севере Восточной Европы и в Фенноскандия, особенно у саамов. Оба комплекса азиатских мотивов, северный и южный, имеют соответствия в Северной Америке – первый на северо-западе континента, а второй – на Юго-Западе, на Равнинах и далее в Мезоамерике. Чтобы быть перенесенными в Новый Свет, эти комплексы должны были сформироваться как минимум в финальном палеолите. Для Южной Америки параллели фиксируется в основном от Юго-Восточной Азии до Меланезии. Игнорируя смешанные комплексы и поздние влияния, связи между мифологиями мира (без Африки южнее Сахары и Австралии), можно представить в виде следующей схемы.

В случае с индо-тихоокеанским центром обилие и разнообразие мотивов фиксируется примерно там же, где расположен один из мировых центров становления производящего хозяйства и сложных обществ. В Западной Евразии несовпадение можно объяснить тем, что о большинстве древних мифологий Передней Азии и Европы известно мало или ничего, а элементы устной традиции могли скорее сохраниться на Кавказе и в балкано-карпатской области, чем в Сирии и Ираке. Однако для Сибири несовпадение очевидно. Богатство и сложность представлений о мире не зависит от социально-хозяйственных факторов.

Для тематических групп Б1 и Б2 (волшебная сказка и сказка о животных) Сибирь противостоит всем более южным областям, но юг Сибири не выступает в роли ведущего центра, а бывает связан то с севером Сибири, то с южными областями Азии. В случае со сказкой о животных распределение мотивов южного комплекса может объясняться индийским влиянием в связи с распространением буддизма. Оно заметно до Бухары и Саяно-Алтая.

Мотивов группы Б3 на востоке Евразии меньше, чем на западе. Если включить в выборку Западную Европу, Балканы и Северную Африку, южный и главный центр распространения подобных мотивов локализован между Левантом, Кавказом, южным Уралом и Тянь-Шанем, а северный – в Европе от Альп до северной Норвегии и от Атлантики до Восточной Прибалтики. След южного центра тянется до Индии, Кореи и Вьетнама, а северного – до Камчатки и Приморья. Если Западную Европу, Балканы и Северную Африку в выборку не включать, то Восточная Европа противостоит Кавказу, Передней и Средней Азии, Ирану и Казахстану. Наборы мотивов группы Б3 явно поздние. Сибирский след европейского комплекса может быть следствием русской колонизации.